

Анатолий Беркут



...В нескольких километрах от Курсавки стоит невысокий столб с указателем: «Большой Ставропольский канал». Линия канала четко значится пока на карте, а строительные работы кипят лишь на отдельных участках. Через несколько лет вода потечет по единой главной артерии, а в эти дни самое, пожалуй, грандиозное сооружение здесь — прямая, как стрела, одиннадцатикилометровая дамба.

Вторая очередь строительства Большого Ставропольского канала — это 400 километров магистральных водоводов, десятки водохранилищ, прудов, артезианских скважин, сотни водопойных площадок. Все это позволит оросить 210 тысяч гектаров земель, обводнить около трех миллионов гектаров и обеспечить устойчивое сельскохозяйственное водоснабжение в 13 районах края.

Большой Ставропольский канал — Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Здесь работают замечательные люди, для которых трудовой подвиг стал нормой жизни. Часто бывая на трассе канала, я почувствовал острую потребность написать книжку о людях этой стройки. Небольшой очерк «Долина рыжих» — это фрагмент из будущей книги «Степные арабески».

История, рассказанная в очерке, правдива. Я счел необходимым изменить лишь фамилию бригадира Камалова, поскольку речь идет об интимной стороне жизни человека.

* * *

В вагончике тепло и сухо. А на улице колючий ветер крутит поземку,

сдувает снег с тропинок и разбитых проселочных дорог. Ребята только что вернулись с работы, развесили над «буржуйкой» брезентовые куртки. Славка Машков сидит в одних трусах на толстом чурбане перед распахнутой дверцей и, щурясь от жара, тычет короткой кочергой в полуугасшие угли. А Гаджи Камалов и Андрей Татаренко устроились на раскладушке.

Вместе с нами пьет крепкий чай с коньяком Денис Михайлович Басаргин, прораб передвижной механизированной колонны. Сегодня был аврал, расчищали непроходимые снежные заносы на дорогах, а Басаргин, как и все остальное начальство, работал лопатой и ломом.

Мы отлично понимаем, почему он пришел. И он знает, что мы это понимаем. Но никто не заговаривает о том, что произошло. Всем больно. Очень больно. А настоящие мужчины не любят говорить о своих переживаниях.

Вагончик кажется тесным и неудобным. В полутемном углу сиротливо стоит позабытый, тщательно, словно ребенок, укутанный в байковое одеяло мольберт. Я знаю, что скрывается под старым одеялом — почти законченный портрет красивой девушки.левой рукой она вскинула к подбородку скрипку. В правой — занесенный над струнами смычок. Чудится, вот-вот коснется смычок струн, и невзрачный вагончик станет уютнее, светлее.

О том, что произошло, тяжело думать, не думать же — невозможно.

Сегодня Гаджи получил от матери из Дагестана письмо. Впрочем, о письме после.

Два года ребята живут в неуютном, дымном вагончике. Славка Машков и Андрей Татаренко втайне завидовали Камалову и жалели, что у них нет любимых девушек, которые бы писали им нежные письма, поздравляли с праздником короткими телеграммами, присылали свои фотокарточки. Им было приятно, что в тесном вагончике на самодельной, неуклюжей тумбочке стоит портрет милой девушки с чудесными, веселыми глазами.

Короче, Славка Машков и Андрей Татаренко были чуть-чуть влюблены в невесту Гаджи. Правда, Вера Черевкова не поехала на строительство Большого Ставропольского канала, но это ничуть не роняло ее в их глазах. Наоборот, им казалось романтичным, что вдалеке друг от друга Гаджи и Вера хранят верность любви.

Осенью прошлого года Вера сообщила Камалову, что после нового года непременно приедет сюда на недельку.

Прежде, два года назад, Камалов работал бригадиром на заводе в Махачкале. Многие ребята отговаривали его от поездки.

— Ты же гордость завода!— говорили ему.

Но все их доводы и уговоры не изменили решения Камалова.

Здесь, на строительстве Большого Ставропольского канала, парням многие месяцы приходилось быть мастерами на все руки. Перетаскивали на своих плечах стройматериалы и оборудование, копали котлованы и траншеи под фундамент жилых домов, возили в тачках бетон, носили песок, щебень, глину. Март 1969 года был метельным, морозным. То и дело вспыхивали авралы, ежедневно приходилось расчищать дороги. Порой сидели по несколько суток без воды и тепла. Но никто «не пищал». Спустя год Камалов стал бригадиром молодежной комплексной бригады плотников-бетонщиков. Андрея Татаренко избрали комсоргом.

Славка и Андрей проводили дни в напряженном ожидании скорого приезда Веры. Можно было подумать, будто приедет она к ним, а не к Камалову. В короткие часы досуга ребята только тем и занимались, что бесконечно мели самодельной шваброй полы, мыли окна и вообще вели себя, по выражению Славки, как самые последние идиоты. Несмотря на дефицит бритвенных лезвий, ежедневно скоблили щетину, отчего всегда выглядели свежими как огурчики. Прораб Басаргин дважды ставил их в пример.

А Камалов вел себя так хладнокровно и так редко бывал в вагончике, что товарищи почти не обращали на него внимания. И они ничуть не удивились, как другие, когда во время аварии в новой котельной Камалов первым проскочил через обжигающий пар и, рискуя жизнью, закрыл вентиль на стояке, чтобы остановить утечку воды из котлов. По их мнению, человек, которого любит такая девушка, как Вера, обязан был сделать это первым.

Никто ни разу не видел, чтобы бригадир Камалов хандрил. Лишь за последние два месяца, когда письма от Веры стали приходить все реже и реже, он вечерами уходил в угрюмую белую степь. А потом допоздна писал портрет Веры.

Однажды, когда в вагончике никого не было, Славка Машков случайно заглянул в забытый на тумбочке листок бумаги. Вера писала о концертах, о предстоящих гастролях, жаловалась, что в последнее время ей нездоровится. Машкову показалось, что в письме нет чего-то главного, какого-то стержня, что ли... Бывает так во время формовки: забудешь положить в форму арматуру, и готовое изделие без металлического стержня развалится на куски. (Школьником в Ставрополе Славка ходил с экскурсией на бетонный завод, видел работу формовщиков.)

На следующий день он поделился своими сомнениями с Андреем Татаренко. Тот вспылил и ядовито заметил, что чужие письма читать

неприлично. А потом, поостыв, с иронией сказал:

— Тоже психолог! Все это ерунда. В тебе, дорогой, говорят темные инстинкты. Надо уметь верить!

— Спасибо. Просветил.

Порой им всем становилось невмоготу. Невесть откуда выползло подленькое желание взять, как говорится, ноги в руки да и задать стрекача до дому.

Всякий день открывалась перед глазами величественная бескрайность степи — иссохшей, тоскующей по воде. И было трудно представить, что где-то в кубанских плавнях или в азовских лиманах воды столько, хоть залейся! А тут приходилось доставлять воду на стройку бензовозами из Курсавки, за двадцатка километров.

Знойным летом 1969 года обширную равнину, стиснутую с трех сторон горбатыми косогорами, с чьей-то легкой руки назвали Долиной рыжих. Работающие здесь строители прокалились яростным солнцем, крепким ветром и выглядели действительно рыжими.

Я жил с ребятами в вагончике уже неделю. Все дни мотался по стройке, а сюда приходил ночевать. Командировка моя заканчивалась, завтра собирался уезжать.

Стояли злые морозы, дули штормовые ветры. Но все равно весна была уже не за горами, и чем ближе подступала она, тем живее вспоминались ребятам родные города и села, семьи и девушки. Все чаще подолгу глядел на огонь в «буржуйке» Славка Машков. Лишь иногда, как бы очнувшись, тихо говорил:

— Скоро, парни, скворцы прилетят...

Несколько дней назад Камалов получил тоненькое письмо, написанное торопливой, неуверенной рукой. Подруга Черевковой сообщала, что Вера тяжело заболела. От ее имени она просила Камалова быть мужественным и забыть свою невесту, потому что жалость для нее хуже смерти. Она почти инвалид.

В ту ночь никто не спал. Внезапная болезнь Веры потрясла всех и, не будь они парнями, выли бы, наверное, в голос. Тяжело, смутно было на сердце. Ребята молча просидели до рассвета. В вагончике висел удушливый чад от табачного дыма.

А рано утром Андрей и Славка, не сговариваясь, порылись в своих чемоданах и положили перед Камаловым деньги.

Бригадир сидел на койке, устало ссутулив крепкие плечи, нахмурившись, глубоко затягиваясь сигаретой. Едва заметные раньше в углах тонких губ морщинки теперь обозначились резкими линиями. Он благодарно кивнул.

Засели писать письмо. Все, что было в их сердцах, они без колебаний доверили бумаге. Быть может, письмо это выглядело сумбурным, несколько бестолковым, но сказали они в нем все, что думали, во что верили, чем безмерно гордились. Потом каждый написал Вере в отдельности, заверяя в дружбе и ободряя ее.

Вечером в вагончике было густо накурено, тесно. Бригада уже все знала. Парни не умеют утешать друг друга. А если и берутся за это, то получается у них неловко, грубовато и порой даже с ироническими нотками в голосе. Впрочем, никто не пытался взять на себя роль утешителя. Камалов не тот человек. Он не нуждался в утешениях.

Высокий, в замасленном ватнике шофер Иван Бойко, по прозвищу Хабур-Чебур, тоже небрежно бросил на койку деньги. Это был тот самый водитель, которого Камалов на собраниях «драил» за то, что он мог иногда сесть за руль навеселе. — Лекарства-то, небось, того... редкие требуются,— сказал он.— Опять же, профессора нужны, курорты, ну и вообще... хабур-чебур... Начальник передвижной механизированной колонны дал Камалову двухнедельный отпуск. Гаджи должен был ехать попутным бензовозом до Минеральных Вод, а оттуда — в Махачкалу.

Вечером мы застали его в вагончике растерянным, с почерневшим

лицом, измученными глазами и с измятым конвертом в кулаке. Мать Камалова писала, что Вера укатила в Москву с каким-то артистом. Было написано что-то еще и еще... Но что именно, мы не поняли.

Мы стояли, потрясенно глядя друг на друга, и ничего не могли сказать. Страшно хотелось раздеться, обсушиться и обогреться, выпить горячего чаю и уснуть. Но это желание почему-то казалось сейчас неуместным.

В конце концов Славка Машков молча принялся растапливать «буржуйку». Вскоре закипел громадный чайник, прозванный «паровозом». Он всегда оглушительно свистел и пыхтел, закипая.

Когда прораб Басаргин вошел в вагончик и начал стаскивать промокшую одежду, мы поняли, что он все знает.

Славка принялся разливать чай. А Андрей Татаренко достал бутылку коньяка, привезенную из Ростова... Он берег ее в чемодане ко Дню Советской Армии.

Басаргин закурил, протянул нам пачку «Беломора». От этого движения куртка распахнулась, и мы увидели на могучей груди, почти там, где сердце, широкий, бугристый, как неумелый шов электросварки, голубоватый шрам.

— Денис Михалыч, где это вас? — поинтересовался Андрей.

— Старая отметина, — сказал Басаргин. — Хотел с жизнью проститься...

— Ну? — удивился Славка: — Как же это вы?

— История эта давняя. С той поры почти три десятка лет утекло.

Он затыкнулся еще раз и остановил взгляд на золотых углях в «буржуйке», как бы вызывая воспоминания, и, отхлебнув из банки чаю, продолжал:

— Немцы, как вы знаете, перешли границу внезапно. Наша погранзастава оказалась в окружении. Двое суток мы дрались как черти. А на третий день им удалось овладеть всей заставой. В живых остался я один. Занял оборону в подвале казармы.

Берег каждый патрон. У железной двери подвала началась возня, немцы ее ломали. Я отбросил ненужную уже винтовку, прижался к стене. Достал из кобуры пистолет, проверил обойму. Вскоре дверь с грохотом упала. Отскочил в сторону, в темный угол, и выстрелил себе в грудь. Мне казалось, что так будет вернее. Но я ошибся. Пуля прошла мимо сердца...

— А потом? — спросил я.

— Потом Бухенвальд, два неудачных побега. Лишь весной сорок четвертого удалось бежать.

...В вагончике тепло и уютно. А на улице колючий ветер крутит поземку, сдувает снег с тропинок и разбитых проселочных дорог. В углу сиротливо стоит полузабытый, тщательно, словно ребенок, укутанный в старое байковое одеяло мольберт.

Мне представилась изящная девушка в черном вечернем платье, со скрипкой в тонких руках. Сверкающие огни ramпы. Сотни притихших в зале людей. Вот-вот смычок коснется струн, и скрипка поведаст о чем-то таинственном и прекрасном.

Только поведаст ли?..

Хлопнула дверь. На пороге замаячила высокая фигура шофера Хабур-Чебура. Его ватник, шапка и сапоги были залеплены снегом. Воспаленные глаза щурились от света. Он неуклюже шагнул от порога, сказал хрипло:

— За вами я, Денис Михалыч... Аврал! Цемент мы привезли, а разгружать некому.

Мы принялись торопливо одеваться. Одежда и сапоги были еще сырыми. Неприятно зазнобило. Но я знал, что скоро нам станет жарко.

Когда мы гурьбой вывалились на улицу, колючий ветер, блуждающий в темноте, рванулся навстречу и злобно швырнул пригоршни белого холода в лица...

Строительство Большого

Ставропольского канала

